

РАЗЛИЧИЕ, ПОВТОРЕНИЕ И ОТНОШЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭРОСА В БЫТИИ

Наумов О.Д.

научный руководитель д-р. филос.наук, проф. Круглова И.Н.

Сибирский федеральный университет

Принципиальная разница между классической и современной философией заключается в смене основополагающего принципа: на смену принципу тождества приходит принцип различия. Однако это вовсе не то различие, которое может быть обнаружено между двумя идентичностями, речь идет о таком различии, которое вынуждает «мышление ввести различие в свои тождественности, особенности – в общие представления, точность – в понятия» [1, С.149]. Таким образом, именно иное, «маргинальное», вытесненное ранее на окраины мышления и культуры оказывается во второй половине XX века в центре внимания.

Постнеклассическая метафизика желаний указывает на то, что человек является проводником эротического желания в бытие, поскольку он выступает инстанцией, предоставляющей желанию способность к высказыванию – самовысказыванию. В дискурсе эротического желания артикулируется его основная функция – выделение множества, приводимого впоследствии к единству. Иным словом, эротическое желание всегда начинается с различия. Следовательно, различие выступает основным онтологическим принципом, обуславливающим функционирование эротического желания в бытии.

В феноменологии эротического существования человека принцип различия выражает всю суть сексуальных отношений: «быть самим собой значит вступать в некие отношения, отличающие себя самого от других и от самого себя» [3, С.77]. При этом необходимо указать на то, что понимание различия в качестве фундаментального онтологического принципа, пришедшего на смену классическому принципу тождества, приводит к тому, что бытие становится децентрированным – оно лишено единого основания. Другими словами, ключевой формулой постметафизической онтологии, согласно Ж.-Л.Нанси, становится утверждение: «Единое = ничто» [3, С.77]. Этот тезис легитимирует предпринятую Нанси аналитику сексуальных отношений – отношения имеют в виду нечто такое, что направлено от одного «бесконечно удаляющегося пункта к другому». При этом нет ничего, что было бы таким образом «направлено». Есть лишь близость: одно вместе с другим, то есть рядом с ним [3, С.77]. В этом смысле главной категорией для Нанси является категория интимной близости, то есть того, «что глубже всего проникает в недра, в тайны, в святая святых одного и другого» [3, С.77]. При этом, подчеркивает философ, полного и окончательного взаимопроникновения, влекущего за собой окончательное слияние двух в одно никогда не происходит: постоянно сводимая к минимуму дистанция не устраняется – ей сообщается крайняя интенсивность. Согласно Нанси, это значит, что всегда существует некий неупразднимый предел, знаменующий собой предел всяких отношений и скрывающий за собой смысл и истину этих отношений. Доступ к пределу всегда закрыт. Кроме того, он не фиксируем в знаково-символическом порядке дискурса, по словам П.Целана, «ночной поцелуй клеймит язык ожогом смысла» [Цит.по 3, С.56]. Единственный способ обнаружения предела – приближение к нему, то есть постоянное стремление: динамизм, а не статика. Однако приближение всегда двойственно: с одной стороны, оно бесконечно, с другой, оно, в соответствии с логикой не-единства, различия, носит

фрагментарный, дискретный, постепенный характер, демонстрируя последовательный переход от одной зоны к другой. В результате оказывается, что приближение включает в себя движение как поступательное, так и возвратное, что оно периодически возобновляется. Все это, подчеркивает Нанси, проявляется не только в ритмичности полового акта, в ритмической логике ласки, прикосновения, усиливающего ощущения повторения, но и в возобновлении самих актов, периодичность которых не подчиняется какой-то определенной программе [3, С.78].

Представляя сексуальные отношения в качестве приближения нужно указать на цель приближения – вступление в некую зону, место. Для Нанси таким местом выступает изначально элиминированное Единое: оно само неуловимо и неизменно отдаляясь, совершало возвратно-поступательное движение [3, С.79]: движение деталей туда-обратно приводит изначально несвязанное множество к единству по отношению к некому изначально потаенному целому. Аналогично, по мнению Нанси, строятся отношения между зрителем и предметом искусства, суть которых заключается в напряженном тяготении к месту, с которым можно не совпасть, а «совместиться», сцепиться, вступить в контакт для получения удовольствия. Удовольствие в определенной зоне дает доступ к единству: «усваивающее, поглощающее единство (результат интеграции, восприятия, организации) оказывается при этом утрачено, уступая место единству выброса, взрыва, вспышки» [3, С.80]. Таким образом, отношения несоизмеримы, а сексуальные отношения, представляющие собой «отношения по преимуществу» [3, С.81] воплощают собой несоизмеримость отношений как таковую. Следовательно, несмотря на то, что всякие отношения могут завершиться: закончиться или исчерпать себя, сексуальные отношения воплощают принципиальную незавершенность отношений как таковых. Иным словом, Нанси говорит о том, что сексуальность – это составляющая любых отношений, и она заключается в «измерении незавершенности» [3, С.81].

На основополагающую роль понятий «различия» и «повторения» в аналитике сексуального указывает и Ж.Делёз, анализируя творчество М.Пруста. Делёз акцентирует роль различия и повторения в межличностном знаково-символическом дискурсе, пытающимся выразить сущность желания – желание близости: «различие и повторение остаются двумя характерными чертами сущности, которая несводима как к предмету, носителю знака, так и к воспринимающему знак субъекту. Нашу любовь не выражают ни те, кого мы любим, ни наши приходящие состояния в момент, когда мы влюблены» [2, С.91]. Другими словами, для Делёза как и для Нанси, знаково-символический порядок дискурса не способен приблизить субъектов к пределу, скрывающему за собой истину сущности желания – возникает вопрос о совмещении идеи присутствия сущности с «лживостью» и «пустотой» знаков дискурса.

Анализ текстов Пруста позволяет Делёзу, во-первых, заявить о том, что «сущности могут воплощаться в знаках любви как общие законы лжи» и пустоты [2, С.94], во-вторых, указать на то, что различие лежит в основе знаково-символического дискурса – дискурса любви: «наши любовные увлечения направляет первичное различие. Это может быть образ Матери или для женщин – образ Отца» [2, С.94]. Другими словами, изначально различие Отца и Матери, провоцирующее дискурс любви – это глубинный и превосходящий субъекта архетипический образ, по-разному проявляющий себя в повторяющихся любовных отношениях. Следовательно, архетипический образ, тождественный изначальному различию выступает сверхчувственным, надличностным законом, управляющим и проявляющимся во влюбленностях субъекта: «каждая любовь приносит свое различие, но оно уже содержалось в предшествующей любви» [2, С.96]. Однако различие для Делёза всегда возможно лишь в паре с повторением – это способ «продуцирования различия» [1,

С.148]. Таким образом, повторение в любовном дискурсе и отношениях, согласно Делёзу, выступает бессознательным порождением сверхчувственного закона влюбленности. Именно бессознательность, игнорирование изначального различия выступает разграничением «двух аспектов сущности, различия и повторения» [2, С.96]. Кроме того, повторений любовных серий обнаруживает небольшие различия между сериями – по Делёзу, они обнаруживаются в паузах, как промежутки между сериями. Таким образом, повторение изначального различия, с одной стороны, выступает способом проявления сверхчувственного закона любви; с другой, именно в промежутках между любовными сериями этот закон открывается субъекту. Другими словами, абсолютное понимание субъектом изначального и постоянно повторяющегося различия становится возможным лишь тогда, когда он «перестает любить, когда уже не остается более ни желания, ни времени, ни сил быть влюбленным» [2, С.96]. На наш взгляд, именно в этом аспекте Делёз выражает заявленную Нанси незавершенность и динамизм отношений: любовная серия – это обучение: «на начальном этапе любовь неотделима от своего предмета, здесь самое важное – признание; затем мы обучаемся субъективности в любви, например, необходимости воздерживаться от признания для того, чтобы таким образом сохранить наши последующие влюбленности» [2, С.97]. Невыразимый для Нанси предел отношений Делёз определяет в качестве сверхчувственного закона любви – любовные серии стремятся к нему и по мере приближения, а значит, по мере угасания любовного чувства, «мы начинаем ощущать присутствие некой первичной темы или идеи, превосходящей наши субъективные состояния не меньше, чем предметы, в которых она воплощена» [2, С.97]. Иным словом, изначальное различие не является первичным и в этом смысле предельным. Следовательно, любовный дискурс и опыт, созданный этим различием – не предельен. Предельный опыт – это опыт всего человечества и он, согласно Делёзу, «насквозь пронизывает движение трансцендентального наследования» [2, С.99]. Таким образом, каждая индивидуальная любовная серия занимает срединное положение между более широкой, трансперсональной серией с одной стороны, и более узкой, образованной каждой отдельной любовью – с другой. Значит, знаки любовного дискурса – двойственны, а говоря точнее – ложны. В этом смысле необходим переход от различия и сопутствующей ему дуальности к однозначности и единству, то есть, по мысли Делёза, необходимо возвысится над множественностью знаков, причиняющих влюбленному страдания и направиться на поиски смысла знака любви и его сущности. Однако такое возвышение, согласно Делёзу, возможно лишь через погружение – погружение в испытываемые субъектом любовные страдания, поскольку, несмотря на уникальность страданий, разум способен выделить в них общность – «нечто общее, что является также и радостью» [2, С.101]. Эта радость может быть репрезентирована в искусстве, выступающем «знаменем радости». Оно говорит о том, что «в каждой любви, общее заключено в особенном, и, переходя от второго к первому, то есть пренебрегая причиной и углубляясь в сущность мы обретаем стойкость в невзгодах» [2, С.101]. Иными словами, искусство для Делёза, с одной стороны выступает результатом рациональной аналитики любовных отношений, с другой – механизмом, позволяющим трансформировать страдания в радость. Однако главная функция искусства, по мысли французского философа, заключается в том, что именно оно показывает воплощение сущности знаков любви в форме серий, то есть в форме общности. Таким образом, сущность – различие, но в любви, как было показано выше, не осознаются: различие становится родовым, или по Делёзу, характерным признаком, детерминирующим повторения, «элементы которого бесконечно мало и едва уловимо отличаются друг от друга» [2, С.103]. В этом смысле выбор объекта любви одновременно случаен и закономерен.

Главный вывод, к которому приходит Делёз в своем анализе творчества Пруста заключается в том, что сущность, воплощающаяся в знаках любовного дискурса проявляет себя в двух формах: в форме непременно раскрываемых знаках лжи, строящихся на двойственности, неоднозначности и различии. Им противостоят изначально скрытые и неразборчивые истинные знаки, открывающие себя в промежутках любовных серий. Суть истинных знаков заключается в том, что они изначально заключены в субъекте, однако он пытается обнаружить их вне себя: «влюбленный, могущественный тюремщик, таит само любимое существо. Он незаконно лишает любимое существо свободы, чтобы остаться превосходным стражем и отменным тюремщиком, он остерегается признаваться в своей любви» [2, С.107], поскольку признание обнажает всю правду о субъекте – истина сама открывает себя, демонстрируя исток различий, множественности, делающих субъекта тем, кто он есть.

Такую истину Пруст видит в гомосексуальности и трижды указывает на нее в романе «Содом и Гоморра». Источником изначального различия, лежащего в основе ложных знаков любви, Пруст называет «изначальный гермафродитизм», по сути, повторяя идею австрийского философа О.Вейнингера, заявившего о существовании обоих полов, как идеальных начал в одном человеке. Таким образом, прустовский изначальный гермафродитизм не устанавливает связи между противоположными полами, а раздваивает каждый пол в нем самом – создает изначальное различие. Делёз замечает, что прустовский гермафродитизм порождает две серии отклонений: он разделяет полы вместо того, чтобы их соединить: «влюбленные играют для женщин, любящих женщин, роль другой женщины, и, в тоже время, такая женщина им предлагает очень близкое к тому, что они ищут в мужчинах» [2, С.108]. Таким образом, «гомосексуализм – истина (*но истина филогенетическая – О.Н.*) любви. Вот почему любовная серия в действительности – двойная: она складывается из двух серий, восходящих не столько к образам матери или отца, но к более глубокой филогенетической непрерывности. Начальный гермафродитизм выступает неизменным законом двух отклоняющихся серий: и в одной, и в другой мы постоянно сталкиваемся с любовью, порождающей либо знаки Содома, либо знаки Гоморры» [2, С.108-109].

В итоге, различие и повторение – механизм, лежащий в основе отношений, а отношение – это способ реализации желания. Нанси подчеркивает при этом, что объектом желания не являются вещи, следовательно, отношение – это «не отношение к чему-то, к какой-то вещи – это отношение (внимание, тяготение) к отношениям к отношениям как таковым» [3, С.85]. Однако вопрос об истине отношений остается открытым, поскольку приближение к предельному основанию «клеимит язык ожогом смысла».

Список литературы

1. Декомб В. Современная французская философия: [Сбоник]. – М.: Издательство «Весь мир», 2000. – 344 С.
2. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. Статьи. – СПб.: Лаборатория метафизический исследований философского факультета СПбГУ, 1999, СПб.: Алетейя, 1999. – 190 С.
3. Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? – СПб.: Алетейя (Лакановские тетради), 2011. – 128 С.